

4. Kaulfers W.V. War-time developments in modern language achievement testing // *Modern Language Journal*. - 1944. - N28. – P. 136-150.
5. Wittenborn J.R, Larsen R.P. A factorial study of achievement in college German // *Journal of Educational Psychology*. - 1944. - N35. – P. 39-48.

Белеева И.Д.
Екатеринбург, Россия

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О КВАНТИТАТИВНОЙ ПОЛИСЕМИИ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Многозначное слово как единица системы языка, “представляющая собой единое смысловое целое, объединяющее в плане содержания ряд виртуальных семантических вариантов или отдельных значений слова” [38, 108], издавна привлекает внимание лингвистов. В отечественной лингвистической литературе ещё в XIX веке отмечалась совершенно особая роль слов с развитой многозначностью, подчёркивалось, что такие слова позволяют лучше понять “душу народа”, историю развития лексической системы языка [30; 32]. Показательно, что явление полисемии в языках мира ещё в середине XX века оценивалось, то, как нетипичное явление [21], то, как явление, охватывающее 80 % слов в языке [5].

В последние годы наблюдается тенденция к последовательному противопоставлению многозначных слов на основе количества значений и к автономному исследованию многозначности в выделенных таким образом зонах, что позволяет пролить новый свет и на общие закономерности функционирования лексико-семантической системы языка в целом. Сопоставительное исследование количественной стороны полисемии даёт также “дополнительные критерии для семантической типологии” [38, 107]. Однако следует отметить, что дискуссионность многих общих проблем теории многозначности (решение вопроса о соотношении многозначности и омонимии, о соотношениях номерных и неномерных значений и т.д.) сдерживает исследования. Так, до настоящего времени не существует единого мнения о количестве зон многозначности, так же как и нет общепризнанных критериев для их выделения.

Каковы же объективные критерии для выделения и рубрикации зон развитой многозначности в лексике русского и французского языков? По

справедливому замечанию одного из крупнейших отечественных специалистов в области сопоставительного лексикостатистического исследования языков А.Ф. Журавлёва, прежде чем приступить к этапу непосредственного количественного сопоставления необходимо определить, *что считать и как считать* [13, 50-53]. Думается, в данном случае очень важно не только выделить наиболее подходящие для сопоставления лексикографические источники (толковые словари), но и определить способы интерпретации материала этих источников (особенности подсчёта количества лексико-семантических вариантов в семантической структуре многозначного слова), корпус исследуемых слов (все слова или только полнозначные слова), границы исследуемой зоны (какое количество значений позволяет относить слово к лексике с развитой многозначностью).

Активная дискуссия о “количественных рубежах” зон многозначности демонстрирует с одной стороны объективную необходимость выделения этих зон, наличие определённых особенностей в полисемии слов, относящихся к различным зонам многозначности, а с другой стороны свидетельствует об известной условности рубежей между выделяемыми зонами. Ю. Тулдава, исследуя многозначность слова, пришёл к выводу, что “конкретный анализ имеющихся материалов из различных языков показывает, что количественно-системные характеристики полисемии в словаре можно аналитически интерпретировать по-разному” [38, 123]. На определённую степень относительности “количественных рубежей” многозначного слова и его принадлежности к определённой зоне (подзоне) многозначности указывает и А.М. Кузнецов: “семантика слова, в том виде, как она представлена даже в самых больших толковых словарях, это ещё не вся лексическая семантика, если учесть явление диффузности значений” [4, 162].

По сложившейся в отечественном языкознании традиции исследователи выделяют три зоны (подзоны) разной глубины многозначности, но, как отмечалось выше, единства взглядов при терминологическом обозначении зон и количества значений, определяющем границы зон, нет. Так, Ю. Тулдава [38] выделяет нулевую степень полисемантической (слова с 1 значением), первую степень многозначности (2-4 значения), вторую степень (5-9 значений), третью степень полисемантической (10-16 значений) и т.д. А.А. Поликарпов [28], используя логарифмическую меру определения количества значений у слова, выделяет нулевую степень “семантической неопределённости” (многозначности) слова (1 значение), первую степень (2

значения), вторую степень (3-4 значения), третью степень (5-8 значений) и т.д. И.Г. Ольшанский [26] на материале немецкого языка выделяет активную (2-3 значения), продуктивную (4-10 значений) и насыщенную (более 10 значений) зоны полисемии. Л.М. Попкова [31] и Б.Н. Есимкулов [12] выделяют зоны малой глубины полисемии (2 значения), средней глубины (3-7 значений) и большой глубины полисемии (более 7 значений). В.К. Харченко [40] и А.А. Кретов [17] рубежом широкого развития многозначности считают наличие у слова 7 значений. Е.А. Чудинова [43] выделяет в зоне развитой многозначности приграничную (7-10 значений), центральную (11-15 значений) и уникально развитую (более 15 значений) подзоны многозначности. Интересную позицию занимает П.Н. Денисов [10;11], который относит к числу самых многозначных слов русского языка лексемы, у которых в словаре зафиксировано по 7 и более “номерных” значений или же 8 и более значений при учёте всех возможных лексикографических обособлений (“оттенков значения” или других лексикографических обособлений). Исследователь считает, что “слова с 1, 2, 3 и 4 “семантическими позициями” по простоте и ясности своей семантики тяготеют к полюсу моносемии” [10, 153].

Как следует из представленного обзора, многие исследователи считают важными “количественными рубежами” зон (подзон) многозначности числа три, семь и десять. Число “три” обычно воспринимается как некий рубеж слаборазвитой многозначности, соответственно к зоне развитой полисемии относят слова с более чем четырьмя значениями. Как утверждает Дж. Миллер [22], число 7 ± 2 - типовой объём оперативной памяти человека, определяющий его особое место в человеческой психике. Е.А. Чудинова [43] отмечает также, что число 7 является устойчивым количественным определителем (наряду с числами 3, 9, 40) предметов и явлений в русском фольклоре, что делает его притягательным для русского менталитета. О.Г. Ревзина [34] указывает на большое значение указанного числа и в русской поэзии. Н.В. Черемисина [41] отмечает большое значение числа 7 для постижения языкового сознания.

Следует отметить, что для объективного определения “количественного рубежа” зоны развитой многозначности необходимо опираться не на априорное установление числового показателя, а на исследование конкретного языкового материала как базы для любой классификации. Представляется, что определение “количественного рубежа” в какой-то степени зависит и от словаря, материалы которого исследуются. Несмотря на

то, что многими лингвистами отмечается, что в практической лексикографии существует определённый разрыв в разграничении отдельных значений слова, опыт изучения полисемии показывает, что “в рамках одного какого-нибудь толкового словаря разграничение значений слов проводится достаточно последовательно, о чём свидетельствуют удачные попытки изучения общих количественных закономерностей полисемии на основе таких словарей [18; 27; 38].

Исследуя явление многозначности, П.Н. Денисов пришёл к выводу, что “усреднённый индекс полисемантизма для словаря С.И. Ожегова равен 2,5” [10, 147]. Ю.Тулдава, также изучавший количественно-системные характеристики полисемии, отмечает, что “в среднем на отдельное слово приходится 3,7 значений, в том числе 4,6 значений на глагол и 3,1 значений на существительное” [38, 125]. А.А. Поликарпов [29], говоря о явлении “семантической неопределённости”, отмечает, что в русском языке среднее количество значений отдельного слова составляет 4,6 - 4,7, а в английском языке 9,2.

Опираясь на данные материалы, а также анализируя лексические единицы рассматриваемых словарей, представляется, что исходной границей зоны развитой многозначности можно считать рубеж “более трёх значений”. Таким образом, лексические единицы, имеющие по 4 и более значений, отмечаются как полисемантические и образуют зону развитой многозначности. Уже предварительный анализ слов, составляющих зону развитой многозначности, показывает, что эта зона неоднородна по своему составу, что внутри этой зоны можно выделить подзоны разной глубины (степени) полисемии. Многие исследователи в своих работах указывают на различный статус слов, находящихся у противоположных границ зоны многозначности. Так, П.Н. Денисов [10] отмечает, что для заимствованных слов развитая многозначность нехарактерна, что заимствования, оказавшиеся в рассматриваемой зоне, находятся вблизи нижней границы этой зоны. Исследователь отмечает также особый характер слов, имеющих “максимальное число семантических позиций” (глаголы *пройти, поднять, тянуть, стоять* и т.д., прилагательные *чистый, тяжёлый*, существительное *дело* и т.д.). Наиболее многозначные русские слова отмечаются в работах М.В. Арапова [3], А.А. Кретова [16], С.В. Плотниковой [33], Е.А. Чудиновой [43] и др.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным классифицировать лексические единицы внутри зоны развитой

многозначности по подзонам средне развитой многозначности (СРМ, 4-6 значений), широко развитой многозначности (ШРМ, 7-14 значений) и уникально развитой многозначности (УРМ, 15 и более значений). Совершенно очевидно, что для определения реальности существования названных подзон и границ между ними необходимы специальные наблюдения. Можно предположить, что между ними должны быть определённые различия грамматического, лексико-семантического и иного характера, хотя, безусловно, эти различия будут носить менее отчётливый, стёртый характер, чем различия между зоной однозначных и многозначных слов. Представляется, что должны быть обнаружены определённые показатели, некие “точки скачка” значений. Этим показателем могут быть и собственно квантитативные характеристики, например, нарушение закономерностей, соответствующих выведенной Ф. Паппом формуле, в соответствии с которой увеличение количества значений приводит к сокращению числа слов, имеющих соответствующее количество значений.

Проведённые подсчёты, в частности, показали, что толковый “Словарь русского языка” С.И. Ожегова [47] фиксирует 1559 слов знаменательных частей речи, имеющих по 4 и более значений, а французский толковый словарь “Le Nouveau Petit Robert” [50] фиксирует 6262 слова с 4 и более значениями. Количество слов, имеющих то или иное число значений, представлено по подзонам многозначности в таблицах 1,2 и 3.

Таблица № 1. Количество слов и значений по подзоне СРМ.

Количество значений	Число слов, имеющих соответствующее количество значений (с учётом “оттенков значений”) в русском языке (2 колонка) и во французском языке (3 колонка)	
4	803	2204
5	381	1256
6	171	790
Всего слов	1355	4250

Материалы таблицы свидетельствуют, что уже в подзоне СРМ наблюдается последовательное сокращение количества слов при увеличении количества значений, то есть количество значений у слов и количество слов, имеющих такое число значений, находятся в отношениях обратной пропорциональности, что соответствует закону Ф. Паппа [27].

Таблица № 2. Количество слов и их значений по подзоне ШРМ.

Количество значений	Число слов, имеющих соответствующее количество значений (с учётом "оттенков значений") в русском языке (2 колонка) и во французском языке (3 колонка)	
7	79	496
8	41	358
9	28	250
10	21	201
11	16	145
12	4	91
13	5	83
14	2	56
Всего слов	196	1680

Данная таблица подтверждает закономерность, в соответствии с которой увеличение числа значений приводит к сокращению количества слов, имеющих соответствующее число значений, то есть закон Ф. Паппа действует и отчётливо проявляется и в подзоне ШРМ, в диапазоне от 7 до 14 значений: чем больше значений, тем меньше слов, имеющих такое количество значений, причём сокращение количества слов происходит относительно ровно: в каждой последующей графе оно составляет от 43 % до 75 % по отношению к предыдущей графе в русском языке и от 52 % до 80 % во французском языке. Таким образом, в обоих рассматриваемых языках сокращение происходит несколько медленнее, чем предполагает формула Ф. Паппа, в соответствии с которой количество слов в каждой последующей графе должно сокращаться наполовину.

Как показывают специальные исследования (И.Г. Ольшанский [26]; Е.А. Чудинова [43]; Ю. Тулдава [38] и др.), абсолютно точно формула Ф. Паппа не выдерживается ни в одном языке, что вполне понятно: язык - "живая ткань", а не таблица логарифмов. Реально формула Ф. Паппа - своего рода ориентир, отражающий факт, имеющий место в различных языках мира. При этом многое зависит от природы языка, особенностей словаря, принципов выделения значений.

Таблица № 3. Количество слов и их значений по подзоне УРМ.

Количество значений	Число слов, имеющих соответствующее количество значений (с учётом "оттенков значений")	
	в русском языке	во французском языке
15	1	67
16	2	33
17	1	37
18	1	35
19	1	20
20	1	19
21	-	18
22	-	18
23	-	13
24	-	15
25	-	7
26	-	11
27	1	5
28	-	5
29	-	4
30	-	4
31	-	3
33	-	2
34	-	1
35	-	1
36	-	1
37	-	3
39	-	2
40	-	1
43	-	1
46	-	1
47	-	1
51	-	1
53	-	1
66	-	1
67	-	1
Всего слов	8	332

Сопоставление таблиц № 2 и 3 показывает, что равномерное сокращение количества слов (согласно указанному выше закону Ф. Паппа) в русском языке прекращается на рубеже 15-16 значений, а во французском языке - на рубеже 16-17 значений. Далее, в русском языке цифровой показатель на

протяжении нескольких значений не меняется, а во французском языке начинаются “скачки”. Это позволяет предположить, что примерно в данной точке находится рубеж, после которого следует совершенно новая подзона слов, имеющих определённые особенности. С другой стороны, квантитативный анализ лексики не позволяет обнаружить каких-либо серьёзных различий между полисемией в диапазоне 4-6 значений и полисемией в диапазоне 7-14 значений: в том и другом случае происходит относительно равномерное сокращение количества слов, имеющих соответствующее число значений.

Как отмечалось выше, квантитативная характеристика зоны развитой многозначности зависит и от принципов выделения значений. Для достоверного выявления и анализа лексем с развитой многозначностью очень важно определить, считать ли оттенки номерных значений, так широко представленные в толковых словарях, полноправными лексико-семантическими вариантами слова. Данная проблема неоднозначно решается в лингвистике. Многими исследователями неоднократно отмечалась сложность выделения единых строгих критериев для разграничения значений многозначного слова, для дифференциации лексико-семантического и семного варьирования словесной семантики (В.Г. Гак [8]; Э.В. Кузнецова [20]; М.В. Никитин [24]; Н.Е. Сулименко [37]; И.А. Стернин [36]; С. Ульман [39]; Е.А. Чудинова [43] и др.). Выше уже упоминалось о том, что количество значений одного и того же слова в различных словарях (в том числе примерно одинакового объёма) часто не совпадает. Этот факт характерен не только для русского, но и для французского языка, в котором доля многозначных слов значительно выше, чем однозначных, как “в любом аналитическом языке” [38,120].

Изучение опыта предшественников показывает, что одни языковеды при подсчёте количества значений у слова учитывают только номерные значения, отмечая, что именно такая форма лексикографического обособления является показателем самостоятельности значения (Ю.Д. Апресян [2]; М.В. Арапов [3]; Б.Н. Есимкулов [12]; А.А. Кретов [15;16]; А.А. Поликарпов [28]; Л.М. Попкова [31]; В.К. Харченко [40]. Другие лингвисты считают, что тип лексикографического обособления (номерное значение, “оттенок значения”) - это формальность, и указывают на необходимость учёта всех реально выделенных в словаре лексико-семантических вариантов слова (Н.А. Боровикова [4]; Л.М. Васильев [6]; Э.В. Кузнецова [20]; С.В. Плотникова [33]; А.П. Чудинов [42]; Е.А. Чудинова [43]; Д.Н. Шмелёв [44] и другие).

П.Н. Денисов занимает особую, промежуточную, позицию, согласно которой учёт “оттенков значения” необходим, но “оттенку” отводится менее важный статус, чем номерному значению: “наличие “оттенка” не переводит моносемантическое слово в “противоположное семантическое подразделение” - подразделение многозначных слов” [10, 153]. Тем не менее, П.Н. Денисов дифференцирует дискретную и диффузную многозначность: “полисемия не является однородной, и понятие дискретности/диффузности намечает один из возможных подходов к инвентаризации типов полисемии” [10, 154].

Думается, что противопоставление в словаре пронумерованных и пронумерованных значений призвано отразить различные типы связи между значениями, различные типы значений. Поэтому при исследовании закономерностей многозначности целесообразнее все отражённые в словаре лексико-семантические варианты слова учитывать, причём в процессе такого исследования на определённых этапах важно проанализировать специфику многозначности, отражённую в словарях в виде пронумерованных и пронумерованных лексико-семантических вариантов слова.

Следует также отметить, что расхождения в понимании структуры многозначного слова, в выделении номерных и неномерных значений и “оттенков” неизбежны, что связано со сложной, противоречивой природой языка. По мнению В.В. Морковкина, “споры о статусе той или иной семантической единицы чаще всего некорректны и бесплодны, поскольку они имплицитно основываются на ложном предположении о существовании некоторых объективных черт значения и “оттенка значения”; “в основе отнесения семантических единиц к значению, подзначению и “оттенку” должна быть конвенция: “Согласимся считать, что...” [23, 162]. Вслед за В.В. Морковкиным [23], К.С. Горбачевич, Ф.П. Сорокалетов [9] и другие исследователи считают, что учёт “оттенка значения”, как полноценного в количественной структуре значений слова, необходим. В.В. Морковкин справедливо отмечает, что “всякий, кому приходилось самому описывать слова, причём описывать не в рамках теоретического (поискового) исследования, а в словаре, знает, что сведение всего многообразия семантически различного в содержании слова к некоторому количеству номерных значений чревато искажением структуры этого содержания. Семантические единицы, составляющие содержание многозначного слова, неравноценны. Это - данность, с которой невозможно не считаться. Если так, то среди понятий, которыми оперирует лексикограф, должны быть и такие, с помощью которых он мог бы отразить разную степень самостоятельности

указанных семантических единиц” [23, 162]. К.С. Горбачевич и Ф.П. Сорокалетов отмечают, что “оттенок значения” - это, скорее, лексикографический термин, и “трудности, возникающие при разграничении значений и “оттенков значения” не могут служить причиной отказа от этого понятия, по крайней мере, в лексикографии” [9, 541]. Говоря о природе значения и “оттенка значения”, исследователи отмечают, что “соотношение между ними в основном не динамическое, а логическое. Оно основывается на понятийной общности и на узуальном (то есть обычном), но дополнительном, малосущественном признаке, не разрушающем единства выражаемого понятия” [9, 539].

Совершенно иной, чем “оттенки значения”, характер имеют приводящиеся в некоторых словарных статьях в словаре С.И. Ожегова устойчивые сочетания слов, представляющие собой широкоупотребительные составные названия, термины (например, *магнитное поле*). Представляется, что в составе таких сочетаний слово теряет полноточность, превращаясь в устойчивое выражение, близкое к идиоматическому, фразеологическому. Оно уже не может считаться лексико-семантическим вариантом заглавной лексемы. Поэтому, думается, что при подсчётах количества значений должны учитываться выделенные в словарной статье лексико-семантические варианты, кроме тех, которые входят в состав фразеологизмов или близких к ним составных названий. Немалую сложность создаёт то, что во французских словарях, например в “Le Nouveau Petit Robert” отводится таким словам как *potte de terre* (картофель), *chemin de fer* (железная дорога) отдельная словарная статья, хотя некоторыми французскими лексикографами такие лексические единицы трактуются как словосочетания и, соответственно, включаются в статьи на *potte* и *chemin*. Но, как правило, в выборку такие слова не попадают, поскольку преимущественно все они моносемантчны.

Существенным для квантитативного исследования является вызывающий много споров вопрос об омонимах. В целом ряде исследований по статистике многозначности лексическая многозначность и омонимия не разграничиваются, то есть при подсчётах количества значений у слов включаются и значения слова омонима. Это объясняется, с одной стороны, недостаточной теоретической и практической разработкой проблем дифференциации омонимии и многозначности, а с другой стороны - особенностями компьютерных программ для анализа словарей и текстов (П.М. Алексеев [1]; С.М. Вишнякова [7] и другие). Неразграничение многозначности и омонимии при статистических исследованиях связано ещё

и с тем, что современные отечественные академические словари (МАС, БАС) отражают межчастеречную омонимию в виде многозначности. Поэтому совершенно очевидно, что в исследованиях, основанных на этих словарях, в состав количества значений слова включаются и значения омонима. Т.А. Корованенко [14] отмечает, что в практической лексикографии при колебании между многозначностью и омонимией вопрос решается в пользу многозначности. Исследователь предлагает и в новом БАСе представлять омонимы в одной словарной статье.

В словаре С.И. Ожегова омонимы представлены отдельно как заглавные слова с цифровым показателем сверху справа. В “Le Nouveau Petit Robert” омонимы также представлены в разных словарных статьях, перед которыми ставится арабская цифра. Вслед за Л.А. Новиковым, который считает, что “критерии омонимичности” могут быть лексико-грамматическими (для слов одной части речи) и категориально-грамматическими (для слов разных частей речи) [25, 41], думается, что с точки зрения теоретической грамматики и лексикологии, включение в описание, например, семантики существительного несубстантивных значений не вполне правомерно, так как это не особые значения существительного, а омонимичные существительному слова других частей речи. Следует остановиться также и на проблеме многозначности служебных слов. Уже предварительные наблюдения показывают, что в зону развитой многозначности, казалось бы, должны быть включены многие союзы, предлоги, частицы и т.д. как в русском языке (*да, в, на, за* и т.д.), так и, в значительно большей степени, во французском языке (*avec, sans, pour, après* и т.д.). Однако следует согласиться с тем, что природа многозначности у служебных слов иная, чем у полнозначных слов. Согласно традиционному мнению, служебные слова имеют только грамматическое значение и не имеют значения лексического. Соглашаясь с П.Н. Денисовым [10], Е.А. Чудиновой [43] и многими другими исследователями, думается, что служебные слова должны выводиться за пределы исследования многозначности.

Библиографический список

1. Алексеев П.М. Статистическая лексикография. Л.: Наука, 1975. -160 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974. -367 с.
3. Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. М.: Наука, 1988. - 183 с.

4. Боровикова Н.А. Регулярное семантическое варьирование глаголов // Классы слов в функциональном аспекте. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. - С.113-123.
5. Будагов Р.А. Многозначность слова // Филол. науки.- 1958. - № 1. - С. 5-18.
6. Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971. - С. 308-310.
7. Вишнякова С.М. Опыт статистического исследования многозначности слов в английском языке // Вычислительная лингвистика. М.: Наука, 1976. С. 124-138.
8. Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. - М.: Наука, 1976. - С. 73-92.
9. Горбачевич К.С., Сорокалетов Ф.П. Значение и оттенок значения в лексикографической практике // Изв. АН СССР. - Сер. лит. и яз.- 1975. - Т.34. - Вып. 6. - С. 535-541.
10. Денисов П.Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка. - М.: Наука, 1984. - С.142-158.
11. Денисов П.Н. Полисемия и классификация лексики // Словарные категории. М.: Наука, 1988. - С.15-23.
12. Есимкулов Б.Н. Синтагматические отношения глагольных полисемантов и их текстовая реализация. Автореф. дис... канд. филол. наук. - СПб, 1995. - 16 с.
13. Журавлёв А.Ф. Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М.: Индрик, 1994. - 254 с.
14. Корованенко Т.А. Проблемы семантики в новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. - СПб: Наука, 1995. - С. 58-74.
15. Кретов А.А. Лингвистическая прогностика. Автореф. дис ... докт. филол. наук. - М.: 1994. - 36 с.
16. Кретов А.А. О взаимной обусловленности синонимии и полисемии в задачах русской лексикографии // Глагол и имя в русской лексикографии: Вопросы теории и практики. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. - С.55-62.
17. Кретов А.А. Принципы выделения ядра лексико-семантической системы // Семантика слов и синтаксические конструкции. Воронеж, 1987. С. 84-93.
18. Крылов Ю.К. Якубовская М.Д. Статистический анализ полисемии как языковой универсалии и проблема семантического тождества слова // Научно-техническая информация. - Сер. 2.- Вып. 3. М., 1977. - С. 1-7.

19. Кузнецов А.М. Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексикографии // Слово в грамматической системе языка. - М.: Наука, 1980. - С.159-170.
20. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989. - 216 с.
21. Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР. 1963. - С. 3-31.
22. Миллер Дж. М. -1987. Магическое число «семь, плюс или минус два» // инженерная психология. - М.: Знание, 1964. - С. 57-79.
23. Морковкин В.В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы её лексикографической интерпретации // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1981. - С. 153-166.
24. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. - 168 с.
25. Новиков Л.А. Таксономия омонимии // Язык - система. Язык - текст. М.: 1995. С. 37-45
26. Ольшанский И.Г. Лексическая полисемия в современном немецком языке. Автореф. дис... докт. филол. наук. - М., 1991. -36 с.
27. Папп Ф. О машинной обработке одноязычных словарей // Научно-техническая информация. - 1969. - № 3. - Сер.2. - С.53-56.
28. Поликарпов А.А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. - Тарту: Изд-во Тарт. гос. ун-та, 1987. - Вып. 774. - С. 135-154.
29. Поликарпов А.А. Элементы теоретической социолингвистики. М.: 1979. - 162 с.
30. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. - 382 с.
31. Попкова Л.М. Семантическая структура многозначного слова и проблемы регулярной полисемии в современном русском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. - СПб, 1993. - 20 с.
32. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968.- 287 с.
33. Плотникова С.В. Семантическая структура глаголов с высокой частотностью // Функциональная семантика слова. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1994. - С. 46-52.

34. Ревзина О.Г. Число и количество в поэтическом языке и поэтическом мире М. Цветаевой // Лотмановский сборник. М., 1995. - С. 62-72.
35. Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. - Вып. 14. - М.: Прогресс, 1983. - 398 с.
36. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. - 172 с.
37. Сулименко Н.Е. Типы лексических значений признаков слов в современном русском языке. Автореф. дис... докт. филол. наук. - Ленинград, 1983. - 32 с.
38. Тулдава Ю. А. О некоторых количественно-системных характеристиках полисемии // Учен. Зап. Тартуского ун-та. - Вып. 502. - Тарту: Изд-во Тарт. ун-та. - 1979. - С. 107-124.
39. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. - Вып. 5. - М.: Прогресс, 1970. - С.250-299.
40. Харченко В.К. Переносные значения слова. Автореф. дис... докт. филол. наук. Л.: 1990. - 38 с.
41. Черемисина Н.В. Семантика возможных миров и лексико-семантические законы // Филол. науки. - 1992. - № 2. - С. 34-39.
42. Чудинов А.П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. - 145 с.
43. Чудинова Е.А. Широко развитая многозначность в лексике современного русского языка (лингвостатистическое исследование по данным лексикографии). Автореф. дис... канд. филол. наук. Пермь.: Изд-во Урал. юрид. ин-та, 1998. - 19 с.
44. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. - 260 с.
45. Lexicographie et la pratique du dictionnaire // Linguistique française. P.:Hachette Supérieur, 1983. - p.159-170.
46. Rey-Debove J. Etude linguistique et sémiotique des dictionnaires français contemporains, Mouton, La Haye, 1971.- 187 p.
47. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1991. - 922 с.
48. Словарь русского языка в 4-х томах. - Изд.2.- М.: Русский язык, 1981-1984.
49. Larousse: dictionnaire de français.Larousse -Bordas., 1997. 455 p.

50. Le Nouveau Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. P.: Le Robert, 1994. - 2468 p.

А. Б. Бушев
Тверь, Россия

ИСТОЧНИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Классика литературы, культуры музыкальной и пластической, образцы большой культуры традиционно рассматриваются как образцы, по которым постигается общемировая культура, происходит диалог «своего» и «чужого». Продемонстрируем это на примере поэта, буквально питаемого мировой культурой – И. А. Бродского.

Так, Иосиф Бродский писал о поколении своего отца - поколения, стремившемся к культуре и под конец жизни понявшем, что большинство, живущее растительной жизнью по обе стороны железного занавеса, живет вполне себе одинаково. *«Безнадёжно отрезанные от большого мира, они думали, что уж этот-то мир должен быть похож на них; теперь они знают, что он похож на других, только нарядней. Я пишу это, закрываю глаза и почти вижу, как они стоят в своих обшарпанных кухнях со стаканами в руках и ироническими гримасами на лицах: «Давай, давай, - усмеваются они. – Liberte, Egalite, Fraternite... Почему никто не добавит Культуру?»*

В мемуарах же Бродского прекрасно продемонстрирована всемирность классики. Живет Петербург - город античных стражей: *«Надо сказать, что из этих фасадов и портиков – классических, в стиле модерн, эклектических, с их колоннами, пилястрами, лепными головами мифических животных и людей – из их орнаментов и кариатид, подпирающих балконы, из торсов в нишах подъездов я узнал об истории нашего мира больше, чем впоследствии из любой книги. Греция, Рим, Египет – все они были тут и все хранили следы артиллерийских обстрелов. А серое зеркало реки, иногда с буксиром, выхвачившим против течения, рассказало мне о бесконечности и стоицизме больше, чем математика и Зенон».*

Уже в творчестве молодого поэта властно присутствует *библейский пласт культуры*, которого начисто лишено большинство советских стихов